
ГЛАВА ВТОРАЯ
ЯВЛЕНИЕ

Существование — это непосредственность бытия, к которой сущность восстановила себя. Эта непосредственность есть *в себе* рефлексия сущности в себя. Сущность как существование выступила из своего основания, которое само перешло в существование. Существование есть эта *рефлектированная* непосредственность, поскольку оно в самом себе есть абсолютная отрицательность. Оно теперь также *положено* как абсолютная отрицательность, определив себя как *явление*.

Явление есть поэтому прежде всего сущность в ее существовании; сущность наличествует в нем непосредственно. Что явление есть не непосредственное, а *рефлектированное* существование, это обстоятельство составляет момент сущности в нем; иными словами, существование как *существенное* существование есть явление.

Нечто есть *только* явление в том смысле, что существование, как таковое, — это лишь нечто положенное, а не в-себе-и-для-себя-сущее. Существенность явления в том и состоит, что оно в самом себе имеет отрицательность рефлексии, природу сущности. Речь идет не о какой-то чуждой, внешней рефлексии, к которой принадлежала бы сущность и которая путем сравнения сущности с существованием объявляла бы существование явлением; нет, как выяснилось, эта существенность существования — быть явлением — есть собственная истина существования. Рефлексия, благодаря которой оно таково, принадлежит ему самому.

Но если говорят, что нечто — это *только* явление в том смысле, будто в противоположность ему *непосредственное существование* есть истина, то вернее будет сказать, что

явление — более высокая истина, ибо оно существенное существование, тогда как [непосредственное] существование — это еще лишенное сущности явление, потому что оно имеет в самом себе лишь один момент явления, именно существование как непосредственное существование, и не имеет еще в самом себе отрицательной рефлексии явления. Если *явление* называют *лишенным сущности*, то момент его отрицательности мыслят так, как будто непосредственное есть в противоположность ему положительное и истинное; но это непосредственное скорее не содержит еще в самом себе существенной истины. Существование, переходя в явление, скорее перестает быть лишенным сущности.

Сущность сначала *имеет видимость* внутри самой себя, в своем простом тождестве; как такая, она абстрактная рефлексия, чистое движение ничто через ничто обратно к самому себе. Когда сущность *являет себя*, она уже *реальная видимость*, так как моменты видимости обладают существованием. Явление, как уже выяснилось, — это вещь как отрицательное *опосредствование* вещи с самой собой; различия, содержащиеся в вещи, — это *самостоятельные* материи, которые суть противоречие: они непосредственная устойчивость и в то же время имеют свою устойчивость лишь в чуждой [им] самостоятельности, следовательно, в отрицании собственной самостоятельности, и опять-таки именно поэтому также лишь в отрицании той чуждой самостоятельности, иначе говоря, в отрицании своего собственного отрицания. Видимость — это то же самое опосредствование, но ее лишенные опоры моменты имеют в явлении вид непосредственной самостоятельности. Непосредственная же самостоятельность, присущая существованию, низводится, со своей стороны, до момента. Явление есть поэтому единство видимости и существования.

Явление можно теперь определить точнее. Оно существенное существование; существенность существования отличается от него как несущественного, и эти две стороны начинают соотноситься друг с другом. — Поэтому явление, *во-первых*, есть простое тождество с собой, в котором в то же время имеются разные определения содержания и которое — и оно само, и соотношение этих определений — есть то, что остается равным себе в смене явлений; это — *закон явления*.

Но *во-вторых*, простой в своей разности закон переходит в противоположность; существенное в явлении противопоставляется самому явлению, и *являющемуся миру* противопоставляет себя *в себе суций мир*.

В-третьих, эта противоположность возвращается в свое основание; в-себе-сущее определено в явлении, и, наоборот, являющееся определено как то, что принято в свое в-себе-бытие; явление становится *отношением*.

А. ЗАКОН ЯВЛЕНИЯ

1. *Явление* — это существующее, опосредствованное своим *отрицанием*, которое составляет его *устойчивость*. Хотя это его отрицание есть нечто *другое* самостоятельное, однако последнее столь же существенно снято. Существующее есть поэтому свое *возвращение* в само себя через свое отрицание и через отрицание этого своего отрицания; оно, следовательно, обладает *существенной самостоятельностью*, равно как оно непосредственно есть просто *положенность*, имеющая своей устойчивостью некоторое *основание* и нечто иное. — Следовательно, явление, во-первых, это существование вместе с его существенностью, положенность вместе с ее основанием; но это основание есть *отрицание*, и другое самостоятельное — основание первого — также есть лишь положенность. Иначе говоря, существующее как являющееся рефлексировано в нечто иное и имеет своим основанием это иное, которое само заключается лишь в том, чтобы быть рефлексированным в иное. Присущая ему *существенная самостоятельность*, так как она возвращение в само себя, есть ввиду отрицательности моментов возвращение ничто через ничто к самому себе; самостоятельность существующего есть поэтому лишь *существенная видимость*. Связь существующих, каждое из которых имеет своим основанием другое, состоит поэтому в указанном взаимном отрицании, в том, что устойчивость одного есть не устойчивость другого, а его положенность, каковое отношение положенности единственно только и составляет их устойчивость. Основание имеется так, как оно есть в своей истине, заключающейся в том, что оно такое первое, которое есть лишь нечто *предположенное*.

Это составляет *отрицательную* сторону явления. Но в этом отрицательном опосредствовании непосредственно

содержится *положительное тождество* существующего с собой. Ибо существующее не есть *положенность в противоположность существенному основанию*, иначе говоря, оно не *видимость в чем-то самостоятельном*, а *положенность*, соотносящаяся с *положенностью*, или *видимость* лишь в *видимости*. В этом своем отрицании или в своем ином, которое само снято, оно *соотносится с самим собой*; оно, следовательно, тождественная с собой или положительная *существенность*. — Это тождественное не есть *непосредственность*, присущая существованию, как таковому, и составляющая лишь то, что несущественно, — иметь свою устойчивость в чем-то ином. Нет, оно *существенное содержание* явления, имеющее две стороны: *во-первых*, форму *положенности* или внешней непосредственности и, *во-вторых*, *положенность* как тождественность с собой. С первой стороны это содержание дано как наличное бытие, но как случайное, несущественное наличное бытие, которое в силу своей непосредственности подвержено переходу, возникновению и прехождению. Со второй стороны оно простое определение содержания, не подверженное этой смене явлений, — то, что *сохраняется* в этой смене.

Помимо того что это содержание есть вообще *простое* в *преходящем*, оно также и *определенное*, *внутри себя различное* содержание. Оно рефлексия явления, отрицательного наличного бытия, в себя; следовательно, оно содержит как нечто существенное *определенность*. Но явление есть *суцая* многообразная разность, разбрасывающаяся в несущественном многообразии; напротив, рефлексированное содержание явления — это его многообразие, сведенное к *простому различию*. А именно, определенное существенное содержание, говоря точнее, не только определено вообще, но как существенное в явлении есть полная определенность, — *что-то* и его *иное*. В явлении каждое из этих двух имеет свою устойчивость в ином таким образом, что оно в то же время есть лишь в *отсутствии* его *устойчивости* (Nichtbestehen). Это противоречие снимается, и его рефлексия в себя есть *тождество* их взаимной устойчивости: *положенность одного есть также положенность другого*. Они составляют *одну* и ту же устойчивость, в то же время [выступают] как *разные*, безразличные друг к другу содержания. Таким образом, в существенной стороне явления *отрицательное* несущест-

венного содержания, его снятие себя, возвратилось в тождество; это содержание есть безразличная *устойчивость*, которая есть не снятость, а скорее *устойчивость иного*.

Это единство есть *закон явления*.

2. Следовательно, закон — это *положительное* в опосредствовании являющегося⁵⁹. Явление — это прежде всего существование как *отрицательное* опосредствование с собой, так что существующее опосредствовано с собой *отсутствием* своей собственной *устойчивости*, чем-то иным, и опять-таки *отсутствием устойчивости этого иного*. Здесь имеются, *во-первых*, простая видимость и исчезание обоих, несущественное явление, а, *во-вторых*, также и *сохранение* или *закон*, ибо *каждое* из них *существует* в указанном снятии иного, и их положенность как их отрицательность есть в то же время *тождественная, положительная* положенность обоих.

Таким образом, эта сохраняющаяся устойчивость, которую явление имеет в законе⁶⁰, *во-первых*, противоположна, как это определилось, *непосредственности* бытия, которой обладает существование. Эта непосредственность есть, правда, *в себе* рефлексированная непосредственность, а именно возвратившееся в себя основание; но в явлении эта простая непосредственность отличается от рефлексированной, тогда как в вещи они только начинали отделяться друг от друга. При своем растворении существующая вещь стала этой противоположностью; *положительное* в ее растворении — это указанное тождество с собой являющегося как положенности в своей другой положенности. — *Во-вторых*, эта рефлексированная непосредственность сама определена как *положенность* в противоположность сущей непосредственности существования. Эта положенность (Gesetzsein) есть теперь то, что существенно и истинно положительно. Немецкое слово Gesetz также содержит это определение. В этой положенности заключается существенное *соотношение* обеих сторон различия, содержащихся в законе; они разное, непосредственное по отношению друг к другу содержание и суть таковы как рефлексия исчезающего содержания, принадлежащего явлению. Как существенная разность эти разные суть простые, соотносящиеся с собой определения содержания. Но точно так же ни одно из них не непосредственно само по себе, а каждое из них есть по существу

своему положенности, иначе говоря, *есть лишь постольку, поскольку есть другое.*

В-третьих, явление и закон имеют одно и то же содержание. Закон — это *рефлексия* явления в тождество с собой; таким образом, явление как ничтожное *непосредственное* противостоит *рефлектированному-в-себя*, и они различаются между собой по этой форме. Но рефлексия явления, в силу которой имеется это различие, есть также существенное тождество самого явления и его рефлексии, в чем вообще и состоит природа рефлексии; она есть то, что в положенности тождественно с собой, и безразлична к указанному различию, которое есть форма или положенность; следовательно, она содержание, которое *непрерывно переходит* из явления в закон, — содержание и закона, и явления.

Это содержание составляет тем самым *основу* явления; закон — сама эта основа; явление есть то же самое содержание, но заключает в себе еще кое-что, а именно несущественное содержание своего непосредственного бытия. И определение формы, которым явление, как такое, отличается от закона, есть *содержание*, и притом именно такое, которое также отличается от содержания закона. Ибо существование как непосредственность вообще равным образом есть тождественность с собой материи и формы, безразличная к своим определениям формы, и потому есть содержание; оно вещьность с ее свойствами и материями. Однако оно содержание, самостоятельная непосредственность которого в то же время дана лишь как отсутствие устойчивости. Но тождество этого содержания с собой в этом отсутствии его устойчивости есть другое, существенное содержание. Это тождество, основа явления, составляющая закон, есть собственный момент явления; это положительная сторона сущности, благодаря которой существование есть явление.

Поэтому закон находится не по ту сторону явления, а непосредственно *наличен* в нем; царство законов — это *спокойное* отображение существующего или являющегося мира⁶¹. Вернее, однако, оба составляют одну целокупность, и существующий мир сам есть царство законов, которое как простое тождественное в то же время тождественно с собой в положенности или в растворяющей самое себя самостоятельности существования. Существование возвращается в закон как в свое основание; явление

содержит и то и другое — простое основание и растворяющее движение являющегося универсума, движение, сущест­венностью которого служит основание.

3. Закон, следовательно, — это *существенное* явление⁶²; он рефлексия явления в себя в его положенности, *тождественное* содержание себя и несущественного существования. *Во-первых*, это тождество закона с его существованием есть еще только *непосредственное*, простое тождество, и закон безразличен к своему существованию; явление обладает еще другим содержанием по сравнению с содержанием закона. Первое содержание есть, правда, несущественное содержание и возвращение во второе; но для закона оно нечто первое, не положенное им; поэтому оно как содержание *связано* с законом *внешним образом*. Явление — это множество ближайших определений, кото­рые принадлежат «*этому*» или конкретному и не содержатся в законе, а определены чем-то иным. *Во-вторых*, то отличающееся от закона, что содержится в явлении, опре­делило себя как нечто положительное или как другое *со­держание*; но по существу своему оно нечто отрицатель­ное; оно приводящие для явления форма и ее движение, как таковые. Царство законов — это *спокойное* содержа­ние явления; явление есть то же самое содержание, но представленное в беспокойной смене и как рефлексия в иное. Явление — это закон как отрицательное, совер­шенно изменяющееся существование, *движение* перехода в противоположное, снятия себя и возвращения в един­ство. Этой стороны беспокойной формы или отрицатель­ности в законе нет; явление есть поэтому по сравнению с законом целокупность, ибо оно содержит закон, но и кое­что еще, а именно момент движущей самое себя формы. — Этот недостаток имеется, *в-третьих*, в законе таким обра­зом, что содержание закона — это еще только *разное* и тем самым безразличное к себе содержание; поэтому тож­дество его сторон друг с другом есть еще только *непо­средственное* и тем самым *внутреннее*, иначе говоря, еще не необходимое тождество. В законе соединены как суще­ственные два определения содержания (например, в за­коне падения тел — величина пространства и величина времени; пройденные пространства относятся между со­бой как квадраты протекших времен); они связаны между собой; это соотношение есть еще только непосредственное соотношение. Поэтому оно точно так же еще только *по-*

ложное соотношение, как и вообще в явлении непосредственное приобрело значение положенности. Существенным единством обеих сторон закона была бы их отрицательность, а именно то обстоятельство, что одна сторона содержит в самой себе свою другую сторону; но это существенное единство еще не выступило в законе. — (Так, в понятии пройденного при падении тела пространства не содержится то, что ему соответствует время как квадрат. Так как падение есть чувственно воспринимаемое движение, то оно соотношение времени и пространства; но, во-первых, в самом определении времени — т. е. так, как время берется согласно представлению о нем, — не заключается, что оно соотносится с пространством и наоборот; говорят, что можно очень хорошо представлять себе время без пространства и пространство — без времени; следовательно, одно присоединяется к другому внешне, каковое внешнее соотношение и есть движение. Во-вторых, безразлично также и ближайшее определение того, в каком количественном отношении друг к другу находятся в движении пространство и время. Закон этого соотношения познается из опыта; в этом смысле он лишь *непосредствен*; для познания того, что закон не только *имеет место*, но и *необходим*, закон требует еще *доказательства*, т. е. опосредствования; в законе, как таковом, это доказательство и его объективная необходимость не содержатся.) — Вот почему закон — это лишь *положительная* существенность явления, а не его отрицательная существенность, согласно которой определения содержания суть моменты формы, переходят, как таковые, в свое иное и в себе самих суть точно так же не они, а свое иное. Следовательно, хотя в законе положенность одной стороны его и есть положенность другой, но их содержание безразлично к этому соотношению, оно не заключает в самом себе этой положенности. Поэтому закон есть, правда, существенная форма, но еще не реальная форма, рефлексированная в свои стороны как содержание.

В. ЯВЛЯЮЩИЙСЯ МИР И В СЕБЕ СУЩИЙ МИР

1. Существующий мир спокойно возвышается до царства законов; ничтожное содержание его многообразного наличного бытия имеет свою устойчивость в чем-то ином; устойчивость этого содержания есть поэтому его разло-

жение. Но в этом ином являющееся также сливается с самим собой; таким образом, явление в своем изменении есть также и сохранение, а его положенность есть закон. Закон есть это простое тождество явления с собой и потому он основа, а не основание явления; ведь закон не отрицательное единство явления, а как его простое тождество — непосредственное (как абстрактное) единство, *наряду* с которым имеет место поэтому и другое содержание явления. Содержание есть «это», оно объединено внутри себя, иначе говоря, имеет свою отрицательную рефлексию внутри самого себя. Оно рефлексировано в нечто иное; это иное само есть существование явления; являющиеся вещи имеют свои основания и условия в других являющихся вещах.

Но на самом деле закон — это и *иное явления, как такового*, и отрицательная рефлексия явления как рефлексия в его иное. Содержание явления, отличающееся от содержания закона, — это существующее, имеющее своим основанием свою отрицательность, иначе говоря, рефлексированное в свое небытие. Но это *иное*, которое также есть нечто *существующее*, есть равным образом такое же существующее, рефлексированное в свое небытие; следовательно, оно *то же самое*, и являющееся на самом деле *рефлексировано* здесь не в иное, а *в себя*; именно эта рефлексия положенности в себя и есть закон. Но как являющееся положенность эта по существу своему *рефлексирована в свое небытие*, иначе говоря, ее тождество само есть по существу своему также ее отрицательность и ее иное. Следовательно, рефлексия явления в себя, закон, есть также не только тождественная основа явления, явление имеет в законе свою противоположность, и закон — это отрицательное единство явления.

Ввиду этого изменилось определение закона в нем самом. Прежде всего он лишь разное содержание и формальная рефлексия положенности в себя, так что положенность одной его стороны есть положенность другой. Но так как он также отрицательная рефлексия в себя, то его стороны относятся друг к другу не только как разные, но и как отрицательно соотносящиеся друг с другом. — Иначе говоря, если рассматривать закон только сам по себе, то стороны его содержания безразличны друг к другу; но точно так же они сняты своим тождеством; положенность одной стороны есть положенность *другой*;

стало быть, устойчивость каждой из них есть также и *отсутствие устойчивости ее самой*. Эта положенность одной из них в другой есть их отрицательное единство, и каждая из них есть *не только своя положенность, но и положенность другой*, иначе говоря, каждая есть сама это отрицательное единство. Положительное тождество, которое они имеют в законе, как таковом, есть еще только их *внутреннее единство*, которое нуждается в *доказательстве и опосредствовании*, потому что это отрицательное единство еще не положено в них. Но так как разные стороны закона теперь определены как такие, которые разны в своем отрицательном единстве, другими словами, как такие, каждая из которых содержит свое иное в самой себе и в то же время как нечто самостоятельное отталкивает от себя это свое инобытие, то тождество закона есть теперь также *положенное и реальное тождество*.

Следовательно, закон тем самым приобрел также недостававший ему момент отрицательной формы своих сторон, момент, который раньше принадлежал еще явлению; существование, стало быть, полностью возвратилось в себя и рефлексировало себя в свое абсолютное в-себе-идля-себя-сущее инобытие. Поэтому то, что раньше было законом, уже не есть лишь одна из сторон целого, другой стороной которого было явление, как таковое, а само есть целое. Сторона в существе своем есть целокупность явления, так что она содержит теперь и момент несущественности, который раньше принадлежал явлению, но содержит его как рефлексированную, в себе сущую несущественность, т. е. как *существенную отрицательность*. — Как непосредственное содержание закон *определен* вообще, отличен от других законов, и их существует не поддающееся определению множество. Но, имея теперь существенную отрицательность в самом себе, он уже не содержит такого лишь безразличного, случайного определения содержания; его содержание есть вообще всякая определенность в существенном соотношении, делаемомся целокупностью. Таким образом, рефлексированное в себя явление есть теперь *мир, который возвышается (aufsteht) над являющимся миром как сущий в себе и для себя*.

Царство законов содержит лишь простое, неизменное, но разнообразное содержание существующего мира. Будучи, однако, целокупной рефлексией этого мира, оно содержит также момент его многообразия, лишенного сущ-

ности. Этот момент изменчивости и изменения как рефлексированный в себя, существенный момент, есть абсолютная отрицательность или форма вообще, как таковая; однако во в-себе-и-для-себя-сущем мире моменты этой формы имеют реальность самостоятельного, но рефлексированного существования, равно как и, наоборот, эта рефлексированная самостоятельность имеет теперь форму в самой себе, и тем самым ее содержание есть не просто многообразное содержание, но по существу своему связанное с собой.

Этот в себе и для себя сущий мир называется также *сверхчувственным миром*, поскольку существующий мир определяют как *чувственный*, т. е. как такой, который дан созерцанию и есть для непосредственного отношения сознания к нему. — Сверхчувственный мир равным образом обладает непосредственностью, существованием, но рефлексированным, существенным существованием. *Сущность* еще не имеет никакого наличного бытия, но она *есть*, и в более глубоком смысле, чем бытие; *вещь* — это начало рефлексированного существования; она непосредственность, еще не *положенная* как существенная или рефлексированная; однако поистине она не есть *сущее* непосредственное. Лишь как вещи другого, сверхчувственного мира вещи положены, во-первых, как истинно существующие и, во-вторых, как истинное по сравнению с сущим; в них признается, что имеется бытие, отличное от непосредственного бытия, такое, которое и есть истинное существование. С одной стороны, в этом определении преодолено чувственное представление, приписывающее существование лишь непосредственному бытию, которое дано чувству и созерцанию; но, с другой — в нем преодолена также бессознательная рефлексия, которая хотя и имеет представление о *вещах, силах, внутреннем* и т. д., но не знает, что такие определения — это не чувственные или сущие непосредственности, а рефлексированные существования.

2. В себе и для себя сущий мир есть целокупность существования; вне его нет ничего иного. Но так как он в самом себе есть абсолютная отрицательность или форма, то его рефлексия в себя есть *отрицательное соотношение с собой*. Он содержит противоположность и отталкивает себя внутрь себя как существенный мир и внутрь себя же как мир инобытия или мир явления. Таким образом, по-

тому, что он целокупность, он дан также лишь как *одна сторона* целокупности и в этом определении составляет отличающуюся от мира явлений самостоятельность. Являющийся мир имеет в существенном мире свое отрицательное единство, в котором он исчезает и в которое он возвращается как в свое основание. Далее, существенный мир есть также полагающее основание являющегося мира, ибо его тождество с собой, содержащее абсолютную форму в своей существенности, снимает себя, делается положенностью и как эта положенная непосредственность есть являющийся мир.

Существенный мир, далее, есть не только вообще основание являющегося мира, а его *определенное* основание. Уже как царство законов он многообразное, и притом существенное, *содержание* являющегося мира, а как держательное основание он *определенное* основание *другого* мира, но лишь в соответствии с этим содержанием, ибо являющийся мир имел еще многообразное содержание, другое, чем царство законов, так как ему был неотъемлемо присущ еще и отрицательный момент. Но, имея теперь в самом себе и этот момент, царство законов есть целокупность содержания являющегося мира и основание всего его многообразия. Однако существенный мир есть в то же время отрицательное являющегося мира и, таким образом, *противоположный* ему мир. — А именно, в тождестве обоих миров, поскольку один по форме определен как существенный, а другой — как тот же мир, но только положенный и несущественный, восстановилось, правда, *отношение основания*, но восстановилось в то же время как *отношение основания явления*, а именно не как отношение тождественного содержания и не как отношение просто разного содержания, каков закон, а как целокупное отношение, иными словами, как отрицательное тождество и *существенное отношение содержания как противоположного*. — Царство законов состоит не только в том, что положенность одного содержания есть положенность другого, но и в том, что это тождество есть по существу своему, как это выяснилось, также отрицательное единство; в отрицательном единстве каждая из обеих сторон закона есть *в самой себе свое другое* содержание; иное поэтому не неопределенно иное вообще, а иное *первой стороны*, другими словами, оно содержит также ее определение содержания; таким образом, обе стороны проти-

воположны друг другу. Так как царство законов имеет теперь в самом себе этот отрицательный момент и противоположность и тем самым отталкивает себя как целокупность от самого себя, распадаясь на в себе и для себя сущий мир и являющийся мир, то тождество их обоих есть *существенное отношение противоположения*. — Отношение основания, как таковое, — это противоположность, исчезающая в своем противоречии, а существование есть сливающееся с *самим собой* основание. Но существование становится явлением; основание снято в существовании; оно восстанавливает себя как возвращение явления в себя, но в то же время как снятое основание, а именно как отношение основания противоположных определений; однако тождество этих определений есть по существу своему становление и переход, а уже не отношение основания, как таковое.

Итак, сам в себе и для себя сущий мир есть мир, который, различенный внутри себя, образует целокупность многообразного содержания; он тождествен с являющимся, или положенным, миром, поскольку он его основание; но тождественная связь [обоих миров] определена в то же время как противоположение, потому что форма являющегося мира есть рефлексия в его инобытие, и он, следовательно, во в себе и для себя сущем мире поистине в такой же мере возвратился в сам себя, в какой этот мир ему противоположен. Соотношение поэтому так определено: в себе и для себя сущий мир есть являющийся мир *наизнанку* (die verkehrte Welt) ⁶³.

С. РАЗЛОЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ

В себе и для себя сущий мир есть *определенное* основание являющегося мира, и таков он лишь постольку, поскольку он в самом себе отрицательный момент и тем самым целокупность определений содержания и их изменений, которая соответствует являющемуся миру, но в то же время составляет его совершенно противоположную сторону. Следовательно, эти два мира относятся друг к другу так, что то, что в являющемся мире положительно, в сущем в себе и для себя мире отрицательно, и, наоборот, то, что в первом мире отрицательно, во втором положительно. Северный полюс в являющемся мире есть в

себе и для себя южный полюс и наоборот; положительное электричество есть в себе отрицательное и т. д. То, что в являющемся наличном бытии есть зло, несчастье и т. д., есть в себе и для себя добро и счастье*.

На самом же деле именно в этой противоположности обоих миров *исчезло их различие*, и то, что должно было быть в себе и для себя сущим миром, само есть являющийся мир, а являющийся мир, наоборот, есть в самом себе существенный мир. — *Являющийся мир* прежде всего определен как рефлексия в инобытие, так что его определения и существования имеют свое основание и устойчивость в чем-то ином; но так как это иное также *рефлектировано во что-то иное*, то они соотносятся тем самым лишь со снимающим себя иным и, стало быть, с *самим собой*; являющийся мир тем самым есть в самом себе равный самому себе закон. — Наоборот, сущий в себе и для себя мир — это прежде всего тождественное с собой содержание, избавленное от инобытия и не подверженное изменению; но так как это содержание есть полная рефлексия являющегося мира в себя, иначе говоря, так как его разность есть рефлектированное в себя и абсолютное различие, то оно заключает в себе отрицательный момент и соотношение с собой как с инобытием; ввиду этого оно становится противоположным самому себе содержанием, переворачивающим себя наизнанку, лишенным сущности. Кроме того, это содержание в себе и для себя сущего мира тем самым приобрело также форму *непосредственного существования*. Ибо в себе и для себя сущий мир — это прежде всего основание являющегося мира; но, имея противоположение в самом себе, он в то же время снятое основание и непосредственное существование.

Являющийся мир и существенный мир суть поэтому каждый в самом себе целокупность тождественной с собой рефлексии и рефлексии-в-иное, другими словами, в-себе-и-для-себя-бытия и явления. Каждый из них — самостоятельное целое существования; один должен был быть лишь рефлектированным существованием, а другой — непосредственным существованием; но каждый *непрерывно продолжается* в своем другом и есть поэтому в самом себе тождество обоих этих моментов. Имеется,

---

* Ср. «Феноменология духа», стр. 121 и сл.⁶⁴

стало быть, именно эта целокупность, отталкивающая себя от самой себя, распадаясь на две целокупности, одна из которых — *рефлектированная* целокупность, а другая — *непосредственная*. Оба мира прежде всего самостоятельны, но лишь как целокупности и постольку, поскольку каждый по существу своему имеет в самом себе момент другого⁶⁵. Поэтому различенная самостоятельность каждого из этих миров — того мира, который определен как *непосредственный*, и того мира, который определен как *рефлектированный*, — положена теперь так, что каждый есть лишь существенное соотношение с другим и имеет свою самостоятельность *в этом единстве обоих*.

Исходным пунктом был *закон явления*; он тождество разного содержания с другим содержанием, так что положенность одного есть положенность другого. Закону присуще еще то отличительное свойство, что тождество его сторон — это еще только внутреннее тождество, и эти стороны в самих себе еще не имеют тождества. Тем самым это тождество, с одной стороны, не реализовано, содержание закона дано не как тождественное, а как безразличное, разное содержание; с другой стороны, оно тем самым лишь *в себе* определено таким образом, что положенность одного есть положенность другого; этого в нем еще нет налицо. Теперь же *закон реализован*; его внутреннее тождество есть в то же время налицо существующее тождество, и, наоборот, содержание закона возведено в идеальность⁶⁶, ибо оно в самом себе снятое, рефлектированное в себя содержание, так как каждая сторона содержит в самой себе свою другую сторону и тем самым поистине тождественна и с ней, и с собой.

Таким образом, закон — это *существенное отношение*⁶⁷. Истина несущественного мира — это прежде всего *другой для него*, сущий в себе и для себя мир; но последний есть целокупность, так как он есть и он сам, и несущественный мир; таким образом, оба мира — непосредственные существования и тем самым рефлексии в свое инобытие и именно потому также поистине рефлектированные в себя. Слово «мир» означает вообще бесформенную целокупность многообразного; этот мир и как существенный, и как являющийся исчез в своем основании, так как многообразие перестало быть просто разным; таким образом, он еще целокупность или универсум, но как

существенное отношение. В явлении возникли две целокупности содержания; они определены прежде всего как безразличные друг к другу самостоятельные [целокупности], и хотя каждая из них и имеет в самой себе форму, но не в противоположность друг другу; однако эта форма оказалась также их соотношением, и существенное отношение — это завершение единства их формы.